

В.Е. Красовский

Авторские отступления

В лирических отступлениях автор раскрывается как глубоко чувствующий, эмоциональный человек, способный отвлечься от частных деталей, отбросив «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь», о которых рассказывает в повествовании. Он смотрит на Россию взором эпического писателя, понимающего призрачность, эфемерность пошлой жизни изображенных им людей. За пустотой и неподвижностью «небокоптителей» автор способен рассмотреть «всю громадно несущуюся жизнь», будущее вихревое движение России.

В лирических отступлениях выражен широчайший диапазон настроений автора. Восхищение меткостью русского слова и бойкостью русского ума (конец главы 5) сменяется грустно-элегическим размышлением о юности и зрелости, об утрате «живого движенья» (начало главы 6). Сложная гамма чувств выражена в лирическом отступлении в начале главы 7. Сопоставляя судьбы двух писателей, автор с горечью пишет о нравственной и эстетической глухоте «современного суда», который не признает, что «равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движенья незамеченных насекомых», что «высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем». Себя автор относит к тому типу писателя, которого не признает «современный суд»: «Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество». Но в финале лирического отступления настроение автора резко меняется: он становится возвышенным пророком, его взору открывается будущая «грозная вьюга вдохновения», которая «подымется из облеченной в святой ужас и в блистанье главы» и тогда его читатели «почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...»

В главе 11 лирико-философское раздумье о России и призвании писателя, чью «главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями» («Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...»), сменяет панегирик дороге, гимн движению — источнику «чудных замыслов, поэтических грез», «дивных впечатлений» («Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!...»). Две важнейших темы размышлений автора — тема России и тема дороги — сливаются в лирическом отступлении, которое завершает первый том. «Русь-тройка», «вся вдохновенная Богом», предстает в нем как видение автора, который стремится понять смысл ее движения: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа».

Образ России, созданный в этом отступлении, и риторический вопрос автора, обращенный к ней, перекликаются с пушкинским образом России — «гордого коня», созданным в «Медном всаднике», и с риторическим вопросом: «А в сем коне какой огонь! Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?» И Пушкин, и Гоголь страстно желали понять смысл и цель исторического движения России. И в «Медном всаднике», и в «Мертвых душах» художественным итогом размышлений писателей стал образ неудержимо мчащейся страны, устремленной в будущее, не повинующейся своим «седокам»: грозному Петру, который «Россию поднял на дыбы», остановив ее стихийное движение, и «небокопителям», чья неподвижность резко контрастирует с «наводящим ужас движением» страны.

В высоком лирическом пафосе автора, устремленном в будущее, выразилась одна из основных жанровых тенденций поэмы — *эпическая*, которая в первом томе «Мертвых душ» не является господствующей. Эта тенденция должна была полностью раскрыться в следующих томах. Размышляя о России, автор напоминает о том, что скрывается за изображенной им «тиной мелочей, опутавших нашу жизнь», за «холодными, раздробленными, повседневными характерами, которыми кишит наша земная, подчас горькая

и скучная дорога». Он недаром говорит о «чудном, прекрасном далеке», из которого смотрит на Россию. Это *эпическая даль*, притягивающая его своей «тайной силой»: даль «могучего пространства» Руси («у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..») и даль исторического времени: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» Герои, изображенные в повествовании о «похождениях» Чичикова, лишены эпических качеств, это не богатыри, а обычные люди с их слабостями и пороками. В эпическом образе России, созданном автором, для них не находится места: они словно умяются, исчезают, подобно тому, «как точки, значки, неприметно торчат среди равнин невысокие... города». Только сам автор, наделенный знанием России, «страшною силою» и «неестественной властью», полученной им от русской земли, становится единственным эпическим героем «Мертвых душ», пророчеством о том гипотетическом богатыре, который, по убеждению Гоголя, должен появиться на Руси.